

Внезапная острая боль пронзила Хэджу раскалённым клинком, растекаясь от плеча к груди. Он медленно поднял руку. Казалось, будто в кармане формы лопнула грелка — жгучая, обжигающая боль разлилась по телу. Пальцы окрасилась кровью.

— Ох... — выдохнул он.

За спиной раздался смех.

— Тупой уебок. И ты называешь себя полицейским?

Нож, который выронил подросток, теперь был в чужих руках. Неизвестный без страха вонзил его в плечо Хэджу, проворачивая. Он вытащил нож, а затем вонзил его вновь — в шею, плечо, повторяя и повторяя, пока не наскучило.

Хэджу уже почти терял сознание. Нападавший пнул умирающее тело офицера, распластанное на асфальте.

— Бежим, дятел! Если нас поймают, нам конец!

Чхве Хэджу лежал едва дыша. Тело пылало и одновременно стыло, мир погружался во тьму. Словно под водой, звуки доносились глухо, неразборчиво. Казалось, он уже мёртв, а его душа — лишь слабый отголосок, запертый в остывающем теле. Он не мог ни протянуть руку, ни поднять голову. Ничего не мог сделать.

«Шеф говорил, что от ножевых ранений так просто не умирают», — вспомнил Хэджу. Начальник любил хвастаться, как в конце века дрался с бандитами, показывая шрам на пояснице. «Да, люди не умирают так легко».

Холод пробирал до костей. Нужно было зажать рану, чтобы остановить кровь.

«Завтра на работе, наверное, опять придётся писать отчёт. Может, когда наберусь опыта, подамся в спецназ вместе с офицером Ли. Нет, не хочу чтобы меня снова пырнули. Лучше женюсь и буду жить тихо, как шеф...»

Боль пульсировала в груди, плече, животе.

«Вытащить нож? Нет. Если вытащу, кажется, точно умру. Я не могу умереть. Иначе они станут настоящими преступниками. Этого нельзя допустить...»

Сонливость накатывала волнами, утягивая в забытье.

□ □ □

Сознание возвращалось медленно, будто выныривая из глубин долгого сна. Хэджу рассеянно отметил, что ему таки посчастливилось выжить. «Люди и правда не умирают так просто», — подумал он, гадая, дадут ли ему теперь отпуск, или может почетную грамоту. Голова раскалывалась — наверное, оттого, что он долго лежал без движения.

С трудом приподняв тяжёлые веки, офицер открыл глаза. Но увиденное заставило его мутный разум мгновенно проясниться.

Высокий потолок, украшенный затейливыми викторианскими узорами. Роскошные ковры, переливающиеся золотыми волнами. Изысканный балдахин над кроватью. Это точно не была больница.

Ощущения тоже были странными. Хэджу помнил, что раны были на груди и спине, но теперь невыносимо болели правая рука и левая нога, скованные и покалывающие.

Он осторожно приподнялся и медленно перевел взгляд.

— О, слава Богу-Создателю! Сынок, тебе пока нельзя вставать!

Экзотичная женщина знатного вида, с глазами полными слёз, вздрогнула, увидев его движение, и мягко надавила на плечо, укладывая обратно.

Только тогда Хэджу заметил, что его кровать окружали незнакомцы в старомодной одежде, не поддающейся его пониманию. Они смотрели на него с благоговением, словно перед ними совершилось чудо.

Хэджу не мог вымолвить ни слова. Нормальна ли эта ситуация? Он предположил, что, возможно, впал в кому и видит галлюцинацию. Это казалось логичным. Но сцена выглядела до странного знакомой. «Неужели на смертном одре мне снится игра?»

Группа людей в одежде эпохи рококо. Роскошная комната. Всё было слишком реалистичным для сна. Хэджу охватило смятение. Кома? Загробная жизнь? Или он переродился через какую-то мистическую силу? Его разум лихорадочно искал объяснения.

— Ах! — невольно вскрикнул он, шевельнувшись. Боль в правой руке была сильнее, чем от ножевых ран. Это точно не сон. Хэджу считал себя выносливым, но боль была чудовищной.

— Молодой господин, не вставайте!

— Когда вы упали с лошади, ваши кости были полностью переломаны. Мы думали, вы не выживете. Ох, не должен я говорить такие кошмарные вещи...

Люди вокруг кровати в один голос умоляли его не двигаться. «Молодой господин» — это обращение звучало непривычно.

Только тогда Хэджу внимательно осмотрел своё тело. Оно казалось значительно меньше его прежнего, взрослого. Не совсем детское, но подростковое, ещё не окрепшее. Пройдя через тяготы детства однажды, Хэджу был ошеломлён, осознав, что снова стал подростком.

Руки, обмотанные бинтами и шинами. Неподвижная нога. Скованные суставы. Хэджу не верил в сверхъестественное, но происходящее иначе как мистикой не объяснить. Неужели он переродился в теле незнакомца мальчика?

И не просто мальчика, а сына богатой и знатной семьи, в совершенно иной эпохе. Драгоценного ребёнка, долгое время лежавшего без сознания из-за несчастного случая.

Переродился... правильное ли это слово? Перерождение, как он понимал, означало рождение в другой эпохе с новой личностью после смерти. Но странно было вернуться в средневековье, сохранив свою личность, в тело мальчика, который, судя по всему, уже прожил какую-то часть своей жизни.

В отличие от растерянного Хэджу, окружающие были тронуты до слёз, особенно та прекрасная женщина, что мягко уложила его обратно. Её выделяли исключительная красота и изысканная одежда. Не в силах сдержать эмоции, она разрыдалась и осторожно обняла Хэджу.

— Три месяца... Ты всё это время лежал без движения. Я боялась, что ты никогда не откроешь глаза. Мой сын, Рохан. Мой старший. Рохан Лансонфри, спасибо, что очнулся.

Когда женщина заплакала, остальные тоже начали утирать слёзы, радуясь, что молодой господин наконец пришёл в себя.

Рохан Лансонфри?

Хэджу не обрадовался. Его новое имя — Рохан Лансонфри. Он знал это имя. Его острая интуиция была тревогу. Интерьер комнаты, одежда людей — всё казалось знакомым. Это определено было мир игры За Императора.

□ □ □

Люди, поглощённые эмоциями, постепенно успокоились и один за другим покинули комнату Рохана. Последними остались прекрасная женщина, вероятно, мать Рохана Лансонфри, и суровый дворецкий в смокинге.

Дворецкий взял с тележки, принесённой горничной, еду и начал кормить Хэджу с ложки, идеально подстраиваясь под его темп. Почему-то Хэджу был уверен, что дворецкий — не человек.

Он начал складывать кусочки пазла. Как бы абсурдно это ни звучало, похоже, он перенёсся в мир игры. Только эта теория объясняла происходящее. Постепенно она превращалась в уверенность.

Он заметил это по красивым слугам, сопровождавшим каждого гостя. Они стояли рядом со своими господами с бесстрастными лицами, словно верные псы или тени. Хэджу наблюдал за их движениями — их походка напоминала военную выправку.

В За Императора были подобные существа — механические куклы, роскошные игрушки для знати. Декоративные предметы, выполняющие запрограммированные команды. Мебель в человеческом облике.

Дворецкий вытер Хэджу рот салфеткой после еды. Мать Рохана улыбнулась, глядя на сына.

— Я так рада, что ты хорошо ешь. Ты так долго не мог глотать пищу. Моё сердце разрывалось каждый раз, когда тебя кормили через капельницу. Я бы хотела угостить тебя чем-то вкусным, но тяжёлая еда может навредить, так что пока ешь мягкую пищу. Мне нужно заняться делами, но если что-то понадобится, скажи Гвинайру.

Произнести «мама» или «матушка» было непривычно. Хэджу лишь кивнул, не проронив ни слова. Женщина и Гвинайр вышли из комнаты.

Воспользовавшись моментом, офицер поднялся. Опираясь на костыль у прикроватной тумбы, он неуклюже добрался до зеркала. Предчувствие, возникшее, когда его назвали Роханом, оказалось верным.

В зеркале отражался Рохан Лансонфри — злодей из За Императора. Жалкий, израненный ребёнок.

— Вот что значит быть обречённым, — пробормотал Хэджу, вспоминая последние слова, что слышал, умирая: «Бежим, дятел! Если нас поймают, нам конец!».

Глубокие синие глаза рода Лансонфри. Аккуратно зачёсанные чёрные волосы. Агрессивный взгляд, будто желающий подчинить всё вокруг. Резкие черты лица, создающие холодную, пугающую ауру.

Отражение в зеркале было точь-в-точь как иллюстрация Рохана Лансонфри, которого Дарен встречает в четырнадцать лет на имперском турнире по фехтованию. Конечно, ощущение не было идентичным живой иллюстрации, но черты и впечатление, переданные через рисунок, были поразительно схожи.

Если он действительно Рохан Лансонфри, его ждёт либо «позорное поражение», либо «ужасная смерть». Хэджу шевельнул губами и потряс костылём перед зеркалом. Тело Рохана двигалось по его воле. Это, без сомнения, было его тело.

Чхве Хэджу стал злодеем Роханом Лансонфри из игры. Примерно в возрасте четырнадцати лет, когда тот впервые встречает Дарена Хелладора на турнире.

Хэджу знал, кем вырастет Рохан, каким человеком станет и какая судьба его ждёт.

Он умрёт. Непременно умрёт. И не мирной смертью.

Либо погибнет от руки Дарена, примкнувшего к революции вместе с императором Пармой Редиссией, либо возглавит восстание Рыцарей Белого Льва и будет убит Дареном, ставшим рыцарем королевской гвардии. Он умрёт, мешая Дарену, или погибнет нелепой смертью. В любом случае, его ждёт гибель.

Так люди чувствуют себя перед гильотиной? Знание поступков Рохана Лансонфри в За Императора тяжким грузом ложилось на плечи Хэджу, словно он нёс карму всех его путей в игре.

Это было пугающе. В прошлой жизни он едва пережил несчастное детство, чтобы стать взрослым. Он мечтал о стабильности, став полицейским, но судьба оборвала его жизнь, едва она начала налаживаться. И как будто этого было мало, теперь его забросили в жизнь, ещё более бурную, чем прежняя.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/12873/1132789>